

Шкатулка с гербом и монограммой графа П.П. Коновницына как исторический источник

Петр – семейное имя в роду дворян Коновницыных, в XVIII–XIX вв. его носили несколько человек, и многие из них гражданской и военной деятельностью заслужили прижизненную славу и память потомков. Среди них, пожалуй, самый знаменитый представитель семьи – Петр Петрович Коновницын (1764–1822), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Годы жизни этого человека пришлись на важный и яркий период отечественной истории, и он достойно прошел предназначенный путь. Человеком с «репутацией изысканной храбрости» назвала его в письме сыновьям Николаю и Михаилу Павловичам императрица Мария Федоровна, напутствуя их в заграничном путешествии 1814–1815 гг. Этим вояжем великих князей руководил герой войны 1812 года Петр Коновницын. Выбранные августейшей дамой слова определяют особенность личности этого незаурядного человека, выделявшую его даже в когорте знаменитых воинов своего поколения.

Петр Петрович, полный тезка своего отца, видного екатерининского сановника, участвовал во многих войнах и сражениях, проявляя личную храбрость, и воинское умение, и административный талант, и усердие¹. Как было заведено, еще шестилетним Петр Коновницын был записан в военную службу, но действительную начал лишь в 1785 г., достигнув двадцати одного года. Принимал участие в военных действиях. Служил при знаменитых военачальниках. Командовал значительными подразделениями. В 1796 г., как и многие при Павле, военную службу оставил. Не торопился вступить в нее и при новом правлении Александра I. Однако в тревожный период войны России и Пруссии с Наполеоном успешно руководил дворянским ополчением столичной губернии, после чего в том же 1806 г. вновь вернулся на военное поприще. Неоднократно получал раны и увечья, равно как награды и отличия, а в 1819 г. подарил своему роду графское достоинство Российской империи. К концу жизни достиг высших военных чинов, побывал в должности военного министра.

¹ Коновницын Петр Петрович граф // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 16. СПб., 1895. С. 19; Граф П.П. Коновницын. Биография. Одесса, 1912; Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Коновницын Петр Петрович // Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 121–122; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: биобиблиограф. справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 343–345.

Дети его также отличились в отечественной истории: старшие сыновья Петр и Иван были участниками Северного общества декабристов, а единственная дочь Елизавета, супруга декабриста М.М. Нарышкина, последовала за мужем в сибирскую ссылку. Из-за того, что трое детей графа Коновницына были признаны государственными преступниками, возникли сложности с владением семьей графским титулом. Вдова Петра Петровича, Анна Ивановна, урожденная Корсакова, была вынуждена лишь в 1830-е гг. усердно хлопотать о внесении семьи в V часть дворянской книги Санкт-Петербургской губернии как графской. Титул в 1834 г. удалось закрепить лишь за тремя из пятерых детей, поскольку сына Петра уже не было в живых, а Елизавета продолжала считаться женой государственного преступника.

Высокое мнение императрицы-матери поддерживалось другими современниками П.П. Коновницына. Об особенной храбрости в бою этого сдержанного, с элегантною внешностью и благородными манерами человека, восхищаясь, упоминали и «певец во стане русских воинов» В.А. Жуковский, и военный историк А.И. Михайловский-Данилевский. Его облик запечатлели О.А. Кипренский и Д. Доу, а затем растиражировали безвестные копиисты. Портрет знаменитого генерала войны 1812 года расходился в виде гравюр, литографий, украшая стены домов россиян по всей империи. Позднее он стал одним из персонажей «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

Граф П.П. Коновницын – не только заметная историческая фигура (статьи о нем включены во все исторические и биографические словари), храбрец, генерал, член знаменитой фамилии, но и особенный культурный герой – и как один из романтических Генералов Двенадцатого года, и как литературный персонаж, и как модель знаменитых живописцев. Существовал дополнительный аспект его культурной роли: как яркий представитель своего времени и среды он был хозяином и устройтеlem дворянского гнезда, наполненного уникальными материальными свидетельствами высокой духовной жизни его обитателей и их друзей. Отношения в семье Коновницыных были очень теплыми и человечными. Переписка супругов, родителей, детей наполнена искренним беспокойством друг о друге, насыщена приветливыми обращениями и пожеланиями².

Граф П.П. Коновницын родился, вырос и затем неоднократно возвращался в имение Кярово под Гдовом Санкт-Петербургской губернии. Там родились его дети. Там в домашнем уединении провел он годы своей временной отставки. Его супругой там была поставлена Покровская церковь, где много позже нашел он упокоение под образом Богородицы, оклад которого отлили из его золотой шпаги с надписью «За храбрость», полученной в награду в славном 1812 году³. Петр Петрович поставил в любимом имении памятник Я.П. Гавердовскому, своему другу, погибшему в Бородинском сра-

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 937. Д. 2.

³ Иванов Е. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006.

жении и оказавшемуся в числе тех, тела которых не были обнаружены после битвы. Позднее его второй сын Иван поставил там же памятник своему брату-декабристу Петру Коновницыну. Усадьба Кярово благоустраивалась не только как семейное обиталище, но со временем становилась мемориалом сердечной дружбы – чувства, почитаемого как наивысшая стадия человеческих взаимоотношений. Несомненно, что внутри дома нередко были материальные свидетельства этого благородного чувства: многочисленные «сувениры сердца». Конечно, как и подавляющее большинство дворянских владений в России, Кярово и другие имения Коновницыных со временем потеряли свидетельства некогда столь яркой и теплой жизни семьи,

Иногда отдельные памятники можно обнаружить в музейных собраниях, ведь интерес к членам фамилии Коновницыных не угасал никогда. В прошлом веке большее, чем верным «александровским генералам», внимание уделялось «разбудившим Герцена» декабристам, в числе прочих Петру Петровичу и Ивану Петровичу Коновницыным. Потому, наверное, не слишком известен предмет, уже не одно десятилетие хранящийся в Государственном историческом музее, хотя он несомненно связан с этой фамилией. Не востребован он оказался даже при создании Музея войны 1812 года (2013 г.).

Речь идет о небольшой деревянной шкатулке с откидной крышкой, прямоугольной, с врезным металлическим замком, размером 11,5 x 38,5 x 28 см. Оформлена она нарядно и со вкусом: поверхность инкрустирована растительными мотивами, выполненными из медного сплава и дерева, фон – фанеровка палисандровым деревом (см. вкладку, ил. 17). На внутренней стороне крышки имеется монограмма, изящные литеры которой выполнены костяными пластинами; на ее внешней стороне – геральдическая композиция. Поступила коробочка в музей как шкатулка, имеющая «на овальной пластине герб Коновницына»⁴.

Подобные шкатулки – типичный предмет обихода второй половины XVIII – первой половины XIX в. Они редко имели узкоспециализированное предназначение. Конечно, владелец волен был держать в ней все, что заблагорассудится, но чаще всего шкатулки заполнялись письмами, деловыми и финансовыми бумагами, конвертами с сентиментальными сувенирами и прочими мелкими, но ценными для хозяина вещицами. Ее держали под рукой и в доме, и в дороге. Замочек был несложным, призванный скорее обозначать приватность зоны, а не всерьез охранять ее. Однако декор именно этой шкатулки позволяет предположить в ней сокровищницу иного рода.

Прежде всего, обращает на себя внимание упомянутая монограмма (см. вкладку, ил. 18), составленная из трех букв, определенных в инвентарном описании музейными сотрудниками, как «РРК». Эти три литеры можно рассматривать и как русские, и как латинские. Они заключены в немного

⁴ ГИМ 63033 ДІV-555.

странный картуш, образованный соединенными лентой пальмовыми ветвями (или растительными побегами иного вида), сверху завершающимися тонкими, завитыми в растянутую спираль отростками (они-то к пальме никак относиться не могут). Нельзя не заметить, что в месте соединения побегов с лентой есть еще один элемент – диск, сквозь отверстие в котором пропущены концы побегов и лента. Над литерами помещено изображение короны с тремя зубцами.

В целом композиция довольно типична и обозначает инициалы дворянина, мужчины и воина. Поскольку изначально герб на этом предмете определен как принадлежащий Коновницыну, то и монограмма под короной должны относиться к той же персоне.

Поскольку по стилистическим и технологическим признакам шкатулка несомненно относится к периоду 1780-х – 1810-х гг., то речь должна идти об одном из трех Петров Петровичей Коновницыных, а, всего вероятнее, о среднем. Корона с тремя зубцами символизирует дворянский статус владельца монограммы. «К» – в русском ли, в латинском ли алфавите ее рассматривать – обозначает фамилию. Написание аббревиатуры имени-отчества выполнено с большей выдумкой: буквы выстроены в ряд, что позволило автору композиции изящно переплести «ножки» двух повторяющихся литер с мачтой «К».

На первый взгляд, две одинаковые буквы – это две латинских «Р», что для Петра Петровича, казалось бы, вполне закономерно. Однако во французской (или латинской, или немецкой) традиции отчество не предусматривается. Зато две эти литеры похожи на государевы вензеля нескольких Романовых и, прежде всего, самого Петра Первого. Только вот ни один из трех Коновницыных не был первым даже в собственной династии, поэтому позволим себе посмотреть на монограмму иначе. Если словами описать ее рисунок, то можно сказать, что она составлена из трех вертикальных, изогнутых вверху и внизу линий. Справа этот ряд заканчивается характерной частью буквы «К», которая в соединении с крайней из трех вертикалей букву и образует. Верхний изгиб у этой вертикали несколько отличается от тех, что венчают две другие, но не настолько, чтобы необратимо нарушить зрительный ряд. Два одинаковых, горизонтально расположенных элемента над двумя первыми вертикалями размещены таким образом, что их правые части заходят на поверхность второй и третьей вертикалей. Это позволяет видеть в этих одинаковых буквах не две латинские «Р», а две «П», написанные кириллицей, что позволяет расшифровать монограмму как «Петр Петрович Коновницын». Небезупречность шрифта можно объяснить данью времени, моде, верноподданнической лояльности и, может быть, некоторым семейным амбициям (ведь Коновницыны происходили от одного корня с Романовыми). Последнее предположение, следует признать, кажется чересчур дерзким. Однако исключить криптографический смысл художественной композиции нельзя: для той эпохи совсем не редкостью были

Ил. 1. Герб Коновнических из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». 1799 г.

Ил. 2. Герб графов Коновнических из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». 1836 г.

сложные по смысловой программе, на первый взгляд простодушные, но весьма изощренные по сути декоративные композиции как включающие слова и буквы, так и относящиеся к невербальной сфере общения. Возможно, монограмма – на самом деле криптограмма.

Геральдическая композиция на наружной стороне крышки гораздо более определена и однозначна. На ней действительно воспроизведен герб Коновнических (см. вкладку, ил. 19). Уточнить время и обстоятельства создания шкатулки (и определить наверняка ее владельца) позволяет, как часто бывает, анализ герба.

Вот как описана эта геральдическая композиция в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи»: «В щите, имеющем голубое поле, изображены перпендикулярно золотые два креста и над ними дворянская корона. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской над ним короной, на поверхности которой видно дерево дуб. Намет на щите голубой, подложен золотом» (см. ил. 1)⁵. В части X указанного справочника представлено описание герба графов

⁵ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., [1799]. № 39.

Коновницыных (напомним, полученного не ранее 1819 г., а вероятнее – в 1834 г.): «Щит разделен наподобие Андреевского креста на четыре части. В середине одного означен издревле употребляемый в роде дворян Коновницыных герб»⁶ (далее следует описание герба, приведенное выше, и описание других частей графского герба; см. ил. 2).

Сразу же можно сказать, что герб на шкатулке лишен признаков, позволяющих отнести его к периоду владения самим его получателем или его потомками графским достоинством. Там помещен герб «издревле употребляемый в роде дворян Коновницыных». Однако при его воспроизведении на предмете допущены многочисленные мелкие отступления от канонической версии. Цвета никак не определены. Овальный геральдический щит помещен в центр восьмилучевой звезды, которую фланкируют щитодержатели-львы и венчает рыцарский шлем в трехлучевой дворянской короне, над которым помещен развесистый дуб. Восьмилучевая звезда образована пересечением двух квадратов, что напоминает орденские композиции того времени. Верхний ее луч то ли утрачен, то ли художник сознательно прикрыл ее частью доспеха. В лапах у одного из львов – держава, у другого – жезл, который вполне можно определить как скипетр. Опираются щитодержатели задними лапами на две пушки, изображенные в изножии композиции. Пушки перевиты парой орденских лент, явно не соответствующих орудиям по масштабу; на лентах – ордена. По периметру овального щита проходит полоса с девизом (часть букв утрачена): «ПОЛЬЗА ЧЕСТЬ И СЛАВА»⁷. Буквы девиза выполнены небрежным шрифтом, в целом соответствующим тому, которым исполнена монограмма.

Подчеркивая смысловое значение геральдической композиции, и так занимающей центральное место в композиции, абрис неправильного овала повторен двумя рогами изобилия, концы которых связаны лентой со свободными концами (в нижней части) и парой ветвей (лавра или дуба?), соединенных вверху лентой, завязанной бантом. По устойчивой традиции трактовки классицистических символов в ту эпоху, этот орнамент подчеркивает понятие славы и доблести, присущих владельцу герба. Возможно, и другие элементы орнамента должны выполнять ту же роль: бордюр, образованный мерно повторяющимися изгибами причудливо перевитой ленты на одной из ее сторон, демонстрирует параллельные полосы, что придает ленте сходство со знаменитой георгиевской – символом личного мужества. Да и пушки в изножии герба, вероятно трофеи, – атрибут победы в военном сражении. Впрочем, именно с артиллерией было связано формальное вступление Петра Петровича на военное поприще⁸.

⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 10. СПб., [1836]. № 7.

⁷ В инвентарной книге девиз воспроизведен как «Польза, честь, слава».

⁸ В 1770 г. он был записан в Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус.

Все эти символы вполне убедительно могут быть отнесены к персоне того Коновницына, который со временем стал военным министром. Еще убедительнее о том же свидетельствуют ордена, включенные в геральдическую композицию, что тоже не было редкостью в геральдических программах декорирования той эпохи.

Определить ордена не трудно: оба креста имеют весьма характерную форму. Изображение орденов на лентах выполнено в невысоком рельефе, не расцветено, детализировано условно, но однозначно можно утверждать, что слева – орден Святой Анны, а справа – Георгиевский крест.

В первом случае позволяет определиться лента с явно выделенными узкими полосами по ее краям. Специфична и форма креста – с прямоугольными ветвями и заполнением пространства между ними ажурным орнаментом с четко видными круглыми вставками (в оригинале – бриллиантами). В крупном овальном медальоне в центре нетрудно опознать женскую фигуру в молитвенной позе; в подлинных орденах она обычно написана в рост и обращена влево. В деревянном же воспроизведении медальон подчеркнуто крупный, так же нетипично крупна и фигура, при этом она изображена по коленно или же с сильно деформированным туловищем (последний вариант встречается и в эмалевом исполнении). Резчик сумел обозначить специфичность оформления ветвей креста – в подлиннике это были ограниченные стекла. Специфика пропорций и отделки изображения Аннинского креста и ленты к нему соответствуют тому варианту ордена, что коллекционерами называется «павловским» и относится к рубежу XVIII–XIX в. Среди них есть близкие по пропорциям и стилистическим особенностям к тому, что воспроизведен неизвестным резчиком по дереву на шкатулке с гербом Коновницына. Так, ряд орденов, имея весь комплект признаков, свойственных «Павловским Аннам», отличается теми же особенностями изображения святой жены на эмалевом медальоне, что и на деревянном: крупной монументальной фигурой, обращенной вправо.

Учитывая колорит росписи по эмали, а также манеру письма в целом, можно предположить, что орден был изготовлен в Санкт-Петербурге. Также и по клеймам некоторые из этих орденов определяются как продукция столичной мастерской Афанасия Панова самого начала XIX в.⁹ По-видимому, образцом для оформителя шкатулки послужил вполне конкретный наградной крест, изготовленный в Санкт-Петербурге в 1797 (архитектор Н.А. Львов создал эскиз «павловской» награды, ставшей с этого года государственной российской) – 1829 гг.

Второй крест по форме определенно – Святого Георгия: со слегка расширяющимися ветвями, с овальным медальоном на среднокрестии. К сожалению, изображение на медальоне не видно, но на ветвях имеется широкая кайма, да и лента – с чередующимися полосами.

⁹ <http://www.reviewdetector.net/index.php/topic/1151-ordena-rossiiskoi-imperii-1698-1917-gg/>

П.П. Коновницын был кавалером обеих наград, и это довольно редкое явление, поскольку Георгиевским крестом награждались военные за личную храбрость, а Аннинским – самым младшим в иерархии российских орденов – большей частью лица, несшие гражданскую службу.

Орден Святого Георгия IV степени (№ 537) Петр Петрович получил в 1794 г. «за отличную храбрость» в ходе одной из польских кампаний. В 1798 г., как и многие его соратники, он был отправлен в отставку и провел свободные «от государевой службы» несколько лет в своем Кярове. В 1806 г., с началом русско-прусской антинаполеоновской кампании, сорокадвухлетний отставной генерал-майор (кавалер единственной награды) прибыл в Санкт-Петербург, где возглавил земское ополчение столичной губернии. Эта деятельность была отмечена орденом Святой Анны I степени. В конце 1807 г. Петр Петрович вновь вступил в действительную военную службу, и его карьера начала бурный подъем, подкрепляемый не только благоволением начальства, но и личными несомненными заслугами. В марте 1809 г. П.П. Коновницын «в воздаяние отличного мужества и храбрости» получил второй орден Святого Георгия, уже III степени (№ 195). На этом рост успехов генерал-лейтенанта Коновницына не пресекался, он становится генералом от инфантерии, генерал-адъютантом, военным министром, но к атрибуции украшенной его гербом шкатулки это уже отношения не имеет, ибо выбор «кавалерии», дополняющей герб, четко очерчивает границы временного периода ее создания: 1806–1809 гг. Именно в этот период Петр Петрович Коновницын был кавалером обеих наград и только их.

Монограмма и герб на шкатулке могли принадлежать только этому представителю рода и в ограниченный период времени. Кроме того, рисунок Аннинского креста указывает, что подлинный орден был изготовлен в Санкт-Петербурге, вероятнее всего в определенной мастерской, продукция которой отличалась некоторым художественным своеобразием.

Сама по себе шкатулка с гербом – интересный образец декоративно-прикладного искусства и позволяет сделать предположение о месте и обстоятельствах ее создания, а также изначальном предназначении.

Она изготовлена из дерева фруктовых пород и инкрустирована палисандром и другими сортами ценных пород. Инкрустация более светлыми породами дерева на темном фоне дополнена гравировкой, усиливающей художественное впечатление. Кроме того, в мозаику включены элементы, изготовленные из кости (вероятно, моржовой). Ими обозначены литеры монограммы и девиза. Геральдическая композиция обрамлена узкой тисненой полосой из медного сплава. Такая же полоса образует бордюр по периметру крышки.

Художественный образ шкатулки несколько противоречив: пропорции элементов декора, рисунок растительного орнамента, лент и классицистических атрибутов вполне удовлетворяют позднеклассицистическим стандартам. Однако детализация собственно геральдической композиции

отличается грубостью и неверностью рисунка. Особенно не удались львы, их фигуры даже не совсем симметричны. Также нехорош и шриффт. В то же время отделка декоративных и геральдических элементов выполнена явно одной рукой.

Если бы шкатулка в целом была образцом любительской работы, то трудно было бы объяснить подобные различия. Хотя такая возможность в ту эпоху имелаась. Художественная обработка дерева, в частности, маркетри, интарсия и другие виды мозаичных работ, входили в число любимых художественно-ремесленных досугов представителей высших сословий, как в России, так и в зарубежной Европе. Даже императорская фамилия отдавала долг модному увлечению. Тому весьма поспособствовали принципы образования, опиравшиеся на систему Д. Локка и энциклопедистов. Фактическую помощь оказывали многочисленные пособия. В России были хорошо известны и доступны: энциклопедический словарь наук, искусств и ремесел (1765), «Маркетри» М. Люкота, многотомное издание А. Рубо «Искусство краснодеревца» (1769–1775 гг.) «с большим количеством иллюстраций и пояснений по технологии маркетри»¹⁰. В 1799 г. вышло в свет еще одно сочинение, раскрывавшее все секреты украшения и полирования мебели – «Современный лакировщик, или Полное и подробное руководство к составлению и употреблению всякого рода лаков...», написанное П. Сумароковым¹¹. Препятствий для модного «рукомесла» не было ни в столице, ни в провинции. Даже внуки Екатерины Великой Александр и Константин в 1780-е гг. еще почти детьми осваивали мозаичное искусство под руководством знаменитого Х. Маера¹². Продукция благородных краснодеревщиков (как и иных художников-любителей из той среды) становилась уместным подарком в своем кругу. Ее декор, в угоду моде, вполне мог включать любую сложную, зашифрованную в узнаваемых символах программу. Еще более вероятно изготовление шкатулки в профессиональной столичной мастерской. Таких мастерских было немного, и их продукция пользовалась большим спросом, активнее всего – при Дворе. Конечно, там работали и русские по происхождению, и иноземные мастера. И те, и другие пользовались в числе прочих перечисленными выше пособиями. У упомянутого Х. Маера работало одновременно над заказами около 50 человек¹³. Возможно, навыки, приобретенные у голландского краснодеревщика-мозаичиста, кто-то из этих работников совершенствовал позднее на собственных предприятиях. Помимо вольных ремесленников востребованное мастерство осваивали крепостные. Многие владельцы способствовали обучению своих крепост-

¹⁰ Гусева Н.Ю., Кислицына О.С. «Украшения из разноцветных дерев...» Русская наборная мебель эпохи Екатерины II. СПб., 2015. С. 19.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же. С. 42.

ных искусству интарсии и маркетри, приобретая для них инструменты и пособия и даже посылая к лучшим столичным мастерам для обучения¹⁴. Они работали затем не только в имении.

Среди продукции столичных краснодеревщиков есть изделия с геральдическими сюжетами: комоды с гербами Сибири, изготовленные по заказу Екатерины II (и украшенные ее вензелем) к свадьбе Н.А. Демидова. Правда, здесь гербы изображены на металлических накладках. Созданы эти великоплетные предметы художественной мебели в Санкт-Петербурге около 1770 г.¹⁵. И если наличие интереса к геральдической теме у авторов императорского заказа и шкатулки Петра Коновницына – явно всего лишь отражение общих интересов эпохи, то относительно технологии создания этих предметов можно высказать более определенные соображения. В отделке инкрустации декора комодов помимо разных пород дерева использовались металлическая проволока (стальная), оникс и моржовая кость.

Как отмечают специалисты, со временем декорирование мебельной мозаики моржовой костью стало характерной особенностью Санкт-петербургских мастеров¹⁶. Для украшения же мелких художественно оформленных предметов этот материал в северной столице начал использоваться несколько ранее. Известный при императорском Дворе холмогорец Осип Дудин давал в 1761 и 1764 гг. в «Санкт-петербургских ведомостях» объявления о готовности исполнять заказы не только на изделиях из кости, но и на «шкатулы, баулы, кабинеты из разных дерев»¹⁷. Эти наблюдения позволяют определенно отнести шкатулку с гербом из собрания Исторического музея к числу продукции этого центра, что совпадает с обстоятельствами биографии ее владельца.

Одной из лучших мастерских, славящихся применением широкого спектра материалов, была та, что основал уже упомянутый выше Христиан Маер, голландец по происхождению. Его продукция отличалась своеобразным растительным орнаментом «изящного рисунка с гравировкой»¹⁸. Изогнутые тонкие побеги завершались довольно крупными цветочными розетками, иногда вполне реалистично воспроизводящими тот или иной цветок.

Другой известный петербургский мастер – Матвей Яковлевич Веретенников – перенял прославившую Христиана Маера манеру декора. Для мебели Веретенникова (первая известная работа относится к 1785 г., а те, на основе которых исследователи делают выводы, – к 1790-м гг.) также «были характерны стилизованные побеги, завивающиеся на концах, с узкими листьями и заканчивающиеся розетками достаточно натуралистично трак-

¹⁴ Гусева Н.Ю., Кислицына О.С. Указ соч. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 21–22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 45.

тованных цветов»¹⁹. Так же можно описать растительный орнамент на шка-тулке с гербом Коновницыных. Схожи и другие элементы декора шкатулки с мебелью работы Веретенникова; прежде всего, расположение и манера трактовки лент²⁰. Для столичной мозаичной мебели той эпохи характерно включение в декор своеобразных элементов дискообразной формы, схожих с тем, что присутствуют в декоре шкатулки.

Технология создания шкатулки также находит аналоги в практике мастерской Матвея Веретенникова. Исследователи указывают, что ей присуще дополнение набора разнообразных экзотических и местных пород деревьев костью, а среди приемов обработки дерева обнаруживаются и морение, и травление, и чернение, и пропиловка, и гравировка²¹.

Шкатулка с гербом П.П. Коновницына была изготовлена в 1806–1809 гг. в Санкт-Петербургской мастерской, вероятно, относящейся к кругу М.Я. Веретенникова. Выполнена по заказу и предназначалась для хранения той самой «кавалерии», что изображена на ее крышке. На это предназначение художественно оформленной шкатулки указывает то, что внутри она обита тканью с золотым галуном – вполне достойное соседство для ценных наград. Как ценность наград не в их ювелирном качестве и коммерческой цене, так и ценность футляра не в этих достоинствах. Продуманная и тщательно выполненная программа декора, задуманная кем-то из близких Петра Петровича, обладавшим художественным вкусом и необходимыми познаниями в различных областях, в том числе в геральдике, а, возможно, и воспроизведенная в собственноручном эскизе, придала довольно банальному бытовому предмету статус ценного свидетельства «сердечной дружбы», как главного культурного феномена эпохи «золотого века» России.

В качестве предположения можно говорить о супруге генерала Коновницына как об авторе проекта работы. Вряд ли это мог быть кто-то из их детей (старшему в 1806 г. не было еще и восьми лет). Настроение же, способствовавшее созданию шкатулки с гербом и с «кавалерией», вполне понятно: после восьми лет почти не разлучавшийся с семьей генерал в отставке, отнюдь не молодой по понятиям того времени человек, вновь возвращался к службе. И нес ее тяготы не только в столичном и губернском центре, но и на театрах военных действий, даже на море. Приватное и государственное в дворянском обиходе переплеталось неразрывно. На милом домашнем сувенире – шкатулке, украшенной тем не менее сложной декоративной техникой, – абсолютно точно воспроизведена геральдическая эмблема в актуальном варианте.

¹⁹ Гусева Н.Ю., Кислицына О.С. Указ соч. С. 48.

²⁰ Ср.: Там же. Кат. 42, 43.

²¹ К сожалению, шкатулка не подвергалась технико-технологической экспертизе.

Став музейным предметом, деревянная инкрустированная шкатулка с гербом дворян Коновницыных, оформленная символами воинской славы с дополнительным уточнением причастности к артиллерии и к победам, обозначенными трофеями, а также «кавалерией», ограничивающей время ее создания относительно коротким периодом второй половины первого десятилетия XIX в., оказывается ценным мемориальным памятником, выходящим за границы частной истории одной семьи, и также важным артефактом эпохи дворянской усадебной культуры.